АРХАИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ О БРАТЕ И СЕСТРЕ
В АЛТАЙСКОМ И БУРЯТСКОМ ГЕРОИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Аннотация. В данной статье автор сопоставляет алтайские сказания и бурятские на тему: брат и сестра в контексте текстов других тюрко-монгольских народов. Отмечая отличительные моменты, автор на примере конкретных текстов выявляет общий ход сюжета, совпадающий почти полностью. В связи с этим автор делает вывод об общих архаических корнях народов, которые не только исторически, но и территориально отдалены друг от друга.

Ключевые слова: сказки, сказания, сюжет, архаические корни, тюрко-монголы.

Tatuna N. Pashtakova
postgraduate of University of Hohhot
Hohhot, China

ARCHAIC PLOT ABOUT A BROTHER AND SISTER
IN ALTAIS AND BURYATS HEROIC TALES

Abstract. In this article, the author compares Altai and Buryats tales on the topic: brother and sister in the context of texts of other Turkic-Mongol peoples. Noting the distinctive moments, the author uses the example of specific texts to reveal the General course of the plot, which coincides almost completely. In this regard, the author draws a conclusion about the common archaic roots of peoples that are not only historically, but also geographically distant from each other.

Keywords: fairy tales, stories, plot, archaics roots, Turko-Mongols.

Обращаясь к эпическому творчеству сибирских тюрков и монголов, алтайский фольклорист С.С. Суразаков отмечал различающиеся друг у друга у разных народов богатство сюжетов, мотивов и образов и объяснял, что такое своеобразие и оригинальность усилились в поздние эпохи из-за территориального оседания различных племен и родов в тех или иных районах Сибири, что привело к некоторому разобщению [Суразаков 1982: 12]. Но многие сюжеты героических сказаний тюрко-монгольских народов содержат в себе архаические основы, чем объясняется их сходство. Среди сходных сюжетов из алтайского и бурятского репертуара эпических произведений следует назвать о предательстве жены и дочери героя в текстах «Алтай Буучай» и «Харастай-Мэргэн», «Иренсей» [Суразаков 1982: 18].

К числу сходных сюжетов относится и тема о брате и сестре, распространенная у сибирских коренных народов. Следует сказать о том, что в алтайской фольклорной традиции данный сюжет встречается и в жанре сказок, который эпизодами сходен с указателем сказочных сюжетов Аарне-Томпсона — ср. АТ 344. В свою очередь, этот сюжет и его варианты являются канвой и героических сказаний на эту тему. В связи с этим следует отметить, что развернутый анализ сопоставлений сюжета о брате и сестре в репертуаре алтайских сказок и сказаний позволил исследовательнице Садаловой Т.М. проанализировать сюжеты алтайских сказок, которые стали сюжетными частями эпических сказаний [Садалова 2008: 80-94].

Первая часть сюжета сказки о брате и сестре повествует о том, как брат-охотник запрещает сестре делать ряд нарушений и сам уезжает на охоту. Но, как обычно, сестра все нарушает: играет в карты, закалывает серую кобылицу, жарит печень на огне и тушит огонь в очаге, поднимается на родовую гору, с которой видит жилище и, спустившись, попадает в аил чудовища Дьелбегена. Чудовище идет по ее следам на пути домой, и брат, вернувшись, понимает, что надо бежать. В алтайских сказках есть несколько финалов: брат с сестрой спасаются бегством, в одном случае им помогает дух земли; в других вариантах чудовище убивает брата, сестра хоронит брата в скале, на этом сюжет заканчивается. В отдельных сюжетах переодетая сестра едет сватать небесных дев, при помощи которых оживляет мертвого брата [Садалова 2008: 80-94].

В работе Ямаевой Е.Е. «Духовная культура алтайцев. Миф. Эпос. Ритуал» по поводу захоронения в скале есть указания на мифологические мотивы, так как в алтайском погребальном обряде есть понятие о временном захоронении, когда зимой прятали труп до весны, а также «у алтайцев существовала практика захоронений в скальном склепе [Ямаева 1998: 24]. Кроме этого, следует еще

обратить внимание на то, что исследователь отмечает в мировоззрении алтайцев представление о скале, как о жилище духов [Ямаева 1998: 25].

Таким образом, гибель брата и захоронение брата в скале, поездка за небесными девами и брачные состязания становятся сюжетом о брате и сестре в алтайских эпических произведениях [Алтай баатырлар 1958: 78-86; 1960: 62-87; 324-344; 1972: 169-186].

Сюжет о сватовстве небесных дев переодетой сестрой для оживления брата встречается в богатырских сказках и героических сказаниях других тюрко-монголов: у хакасов — сказка «Похты Кирис», тувинцев — «Бокту Кириш и Бора Тоолай», кыргызов — «Ак Коён» и монголов — «Зеер Мерген» [Бутанаев 2008: 82-83]. В отличие от алтайских сказаний, в хакаской и тувинской богатырских сказках герой умирает от рук врага, а не чудовища. Кыргызская богатырская сказка в части о превращении сестры в белого зайца во многом идентична с алтайским сюжетом. Правомерным представляется объяснение Садаловой Т.М. превращения сестры в белого зайца тем, что «потеря сестрой человеческого облика является отражением одной из архаических форм брачного ритуала, так как замужняя женщина была потерянной для своего рода, становилась чужой, одновременно приобретая статус своей в чужом роду. Потеря человеческого облика — это временное явление для перерождения сестры в облике замужней женщины (заяц — животное, тесно связанное с родовым тотемом, средством передвижения для шаманов). Подтверждением этому служит дальнейшее развитие сюжета, которое связано с возвращением человеческого облика сестры [Садалова 2008: 83]. То, что сюжет о брате и сестре может быть вплетен в сюжеты монументальных эпических произведений подтверждает текст кыргызского эпоса «Манас», где также встречается эпизод гибели героя и его чудесного воскрешения [Жирмунский 1974: 44].

В одном из крупных алтайских эпических сказаний «Янар» в исполнении сказителя Н.К. Ялатова эта тема является начальным сюжетом, хотя и в следующих сюжетных эпизодах главными героями остаются брат с сестрой — батыр Янар и его сестра Янарчы. Они рождены отцом Белой горой, матерью Белой рекой, имеют покровительство божества Юч-Курбустан. Герои, сотворенные от Уч-Курбуста, являются бессмертными и главный герой Янар является мудрым богатырем и могущественным кааном на земле. Баатыр Янар появился на свет одновременно с появлением Вселенной. Сестра с братом оба равны между собой, земным покровителем у них является Тьер-Киндик-Энези (дословно: Мать пуповины Земли-божество). Начало эпического сказания «Янар» перекликается с сюжетом о брате и сестре, но картины широко развернутые, согласно законам эпического жанра. В начале рассказывается о мирной и благодатной жизни в ханстве, брат Янар охотится, его сестра Янарчы управляет народом, следит за скотом. По возвращению с охоты Янар отдыхает несколько дней, едет сватать дочь Ай-каана (Меяц хан). В отличие от сюжета сказок, завязка эпоса начинается от описания оскорбленного чувства подземного властелина Бос Эрлик, который сам хочет сватать дочь Ай-каана за сына. В связи с этим он посылает троих зятьев — Трех Шулмусов на кражу сестры батыра в момент отсутствия старшего брата. Узнав об уведении сестры в подземный мир, герой вынужден возвращаться обратно и спасает сестру, Тьер-Киндик Эне подсказывает способы спасения сестры и победить врагов из подземного мира. Но самого Янара ранят смертельной стрелой, что побудило переодетую сестру ехать за небесными девами, чтобы воскресить брата. Янарчы, пройдя все испытания, сватается за двух дочерей небесных ханов, везет их домой. По дороге она опережает невест, чтобы они догоняли, сама при помощи Тьер-Киндик Эне превращается в серого зайчонка. Когда небесные девы прибыли, Янар-баатыр лежал при смерти, они его оживили, и он женился на двух небесных девах — Кюн-Келди и Ай-Тана. Но через некоторое время он начал тосковать по сестре, и посоветовавшись с женами, поехал искать его. Когда он нашел ее, оказалось она замужем и имеет сына. Так восстанавливаются семейные узы [Янар (на алт. яз.) 1997]. Здесь «сказочный сюжет становится только вступлением развернутого эпического произведения» [Садалова 2008: 92], так как в дальнейшем родственный и военный союз брата и сестры продолжается до конца повествования в их борьбе с нижним миром, при этом с присутствием обоих героев, а также каждого из них отдельно разворачиваются причудливые сюжетные линии эпоса.

В бурятских улигерах аналогичные сюжеты встречаются в нескольких произведениях: «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон», «Зеер Далай Мэргэн», «Абаадай Мэргэн», «Адтай Ганжуудай Мэргэн» [Бутанаев: 82-83]. По этому поводу С.С. Суразаков отмечает, что «сюжетное сходство алтайского эпоса «Алтайын Сайын Салам» и бурятских «Айдурай-Мэргэн» и «Аламжи-Мэргэн» почти такое же: богатырь погибает на охоте; сестра переодевается в одежду и боевые

доспехи брата и едет искать деву-воскресительницу; она участвует в состязаниях женихов — претендентов на невесту или сталкивается с одним каким-либо соперником, одерживает победу, получает невесту и привозит ее домой; невеста воскрешает богатыря и выходит за него замуж» [Суразаков 1982: 14]. При этом автор подчеркивает местные особенности национальных версий, но в то же время без сомнения утверждает, «что перед нами одни и те же произведения, восходящие к древнему общему источнику» [Суразаков 1982: 14].

В целом, сюжеты о добыче невесты и участие в состязаниях за невесту в тюрко-монгольском эпическом репертуаре широко распространены. В варианте сказания «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» [Аламжи-Мерген молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос 1991] есть сюжетный эпизод, где мертвого Аламжи-Мергена его сестра доставляет «к ущелью Алтая — священной горы», который совпадает с текстами известных алтайских сказаний «Брат Боодой Мерген и сестра Боодой Коо» [Алтай баатырлал], «Янар» [Янар (на алт. яз.)]. Синонимом священного Алтая в бурятском эпосе выступает «лесная вершина горы — исполин Хухэй».

Если в других алтайских сказаниях гора, куда временно прячут тело сраженного героя, обозначена просто как отвесная скала в череде алтайских гор, то в «Янгаре» — это пространство божественного покровителя брата с сестрой Тьер-Киндик Эне. Так же и в бурятском сказании эта скала конкретно определена «священной горой Алтая» и выступает неким мифологическим локусом, активно действующим в сюжетном развитии, что во многом совпадает с алтайским сказанием «Янар». И в «Янар», и в «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон» Алтай — не только тайное место для укрытия от вражеского преследования или временного захоронения, но и сакральное место для ритуального перерождения души погибшего героя. Поэтому сестра Аламжи-Мерген завернула старшего своего брата в хадак из белого шелка, наготовила архи из трех котлов, захватила мясо трехгодовалого белого барана и доставила брата к ущелью Алтая, священной горы. Она зажгла свечу и трое суток молилась перед той трехгранной свечой тридцатисаженной:

"Священная гора Алтая,
Раздайся, раскройся!
Я должна схоронить
Любимого старшего брата.
Гора-исполин Хухэй,
Ко мне наклонись,
Нужно мне схоронить
Бедного старшего брата!"

[Аламжи-Мерген молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос 1991: 163].

Так, в этом эпизоде подробно описан древний обряд жертвоприношения священной горе. При помощи данного обряда сестра выпрашивает магическую помощь Алтая. Подобное магическое заклинание произносится сестрой в алтайских сказаниях, чтобы временно спрятать тело убитого брата:

Большая скала, расколись,
Моего красивого брата возьми.
Прекрасная скала, расступись,
Моего прекрасного брата возьми! [Садалова 2008: 304-305].

В бурятском эпосе про Аламжи-Мэргэна и его сестру сюжет продолжается далее, при этом, как и в алтайском эпосе, брат с сестрой до финала остаются основными героями эпических событий. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на территориальную удаленность, а также давность исторической общности тюрко-монголов, в том числе, алтайского и бурятского народов, единство архаических корней продолжает прослеживаться в ряде фольклорных произведениях — эпосе и сказках. При этом эти тексты остаются в национальном репертуаре как собственно народные тексты и алтайского, и бурятского, и хакасского или кыргызского народов. Поэтому более конкретное сопоставление отдельных текстов позволяют судить не только о широких контактах, но и бытовании части репертуара с идентичными сюжетами, системой персонажей и поэтической системой.

Литература

Аламжи-Мерген молодой и его сестрица Агуй Гохон. Бурятский героический эпос / Вступ.ст., подгот. текстов, пер. и коммент. М.И. Тулохонова; Отв.ред. А.Б. Соктоев. Новосибирск, 1991. 310 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

- Алтай баатырлар / Сост. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1958. Т. 1. 277 с.; Т. 3. 1960. 482 с.; Т. 7. 1972. 239 с.
- Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008. 375 с.
- Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974. 767 с.
- Садалова Т.М. Алтайская народная сказка: формы этнобытования, типология сюжетов, поэтика, текстология. Горно-Алтайск, 2008. 340 с.
- Суразаков С.С. Из глубины веков. Сб.ст. / Сост.и ред. З.С. Казагачева, вст.сл. А. Петросян. Горно-Алтайск, 1982. 144 с.
- Ямаева Е.Е. Алтайская духовная культура. Миф. Эпос. Ритуал. Горно-Алтайск, 1998. 168 с.
- Янар (на алт. яз.). Н.К. Ялатов. Запись, расшифровка, подготовка к изданию и вступительная статья И.Б. Шинжина. Горно-Алтайск, 1997.